

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ¹

Автор статьи стремится охарактеризовать рационалистическую версию культуры. Он отмечает, что культура несёт в себе огромное содержание. Её наполнение кажется безграничным. Она возникает благодаря тому, что разум человека даёт ему возможность особыми, неизвестными природе способами добывать, сохранять, накапливать, обрабатывать и использовать информацию. Эти способы связаны с созданием специальных знаковых систем, с помощью которых информация кодируется и транслируется в социуме. Культура прежде всего сверхприродна. В природе нет звучащих симфоний, стихотворных лирических излияний, пейзажей, схваченных анонимной кистью. Человек творит культуру, опираясь на собственное сознание, эмоции, волю и интуицию. Она предназначена для сотворения неизведанных миров. Поэтому, описывая культуру конкретной эпохи, мы в первую очередь называем достижения науки, философии, искусства.

Эти установки вдохновляли возникшую в XVIII в. особую область философского знания – философию культуры. Однако философия расширила границы культуры, её многосоставность и обратилась к анализу глубинных основ человеческого существования, обосновала плодотворность традиции и кристаллизации человеческого опыта, приступила к аналитике бессознательного.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14–03–00350а «Культура как кризис – неудача или возможность?»).

Автор полагает, что спектр культуры неистощим, но он не исчерпывается рациональностью, разумностью. Её исток не только сознание. Культура всеохватна. Многие её формы рождены бессознательным пластом человеческой психики, наитием, игрой воображения, эмоциональной отзывчивостью. Разумеется, рационалистическое ядро является стержнем культуры. Рациональное может рассматриваться как универсальная категория, охватывающая чистую логику в классическом и современном мышлении и даже некоторые формы мистического опыта. Однако этот тезис о едва ли не всеохватном смысле понятия «рациональность» требует критического рассмотрения.

Ключевые слова: искусство, рациональность, иррациональность, разум, культура, миф, религия, традиция, ценность, сознание

Культура и разум

Когда мы рассуждаем о культуре, прежде всего подчёркиваем её рациональное содержание. Если бы человек не обладал разумом, то, судя по всему, не было бы и культуры. Это, впрочем, мысль И. Канта. «Если бы в отношении существа, обладающего разумом и волей, истинной целью природы было бы *сохранение* его, его *преуспевание* – одним словом, его счастье, то она распорядилась бы очень плохо, возложив на его разум выполнение этого своего намерения» [11, с. 163]. Чтобы удовлетворять природные потребности человека, по мысли Канта, разум не нужен. Но вот чтобы сложилась культура, без разума, как говорится, никак. Величественные произведения культуры возникают по аналитическому расчёту, как рождение смысла и вдохновения. Философский трактат, научное сочинение, богословский текст или прозвучавший «Реквием» закономерно рассматриваются как порождение человеческого рефлексировующего сознания. Моцарт у Пушкина рассказывает Сальери о своём произведении:

...Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.

Стихия музыкальных звуков, казалось бы, не нуждается в какой-либо рассудочности. Не мысли, а чувства рождают художественный результат. Однако и в искусстве также властвуют осмысленность, приверженность законам формы, логика эмоционального потрясения. Случись в «Реквиеме» Моцарта лишь прихотливое, хотя и благолепное сопровождение звуков, поражённый Сальери не мог бы воскликнуть: «Ты этим шёл ко мне и мог остановиться у трактира?».

Об универсальной способности искусства писал и А. Шопенгауэр, который отказывал мелодии, если она бедна смыслом, в способности быть понятой другими. «Музыка, – писал он, – настоящий универсаль-

ный язык, который понимается всюду во всех странах и во все века. Значительная, многоговорящая мелодия очень быстро обходит весь земной шар...» [18, с. 333].

Культура несёт в себе огромное содержание. Её наполнение кажется безграничным. Она «возникает благодаря тому, что разум человека даёт ему возможность особыми, неизвестными природе способами добывать, сохранять, накапливать, обрабатывать и использовать информацию. Эти способы связаны с созданием специальных знаковых систем, с помощью которых информация кодируется и транслируется в социуме» [12, с. 51]. Культура прежде всего сверхприродна. В природе нет звучащих симфоний, стихотворных лирических излияний, пейзажей, схваченных анонимной кистью. Человек творит культуру, опираясь на собственное сознание, эмоции, волю и интуицию. Она предназначена для сотворения неизведанных миров. Поэтому, описывая культуру конкретной эпохи, мы в первую очередь называем достижения науки, философии, искусства.

В той же мере размышления Гегеля о культуре направлены на вынесение за границы философии всего, что разуму недоступно. Такое толкование предполагает сведение бытия к постигаемой мысли. «Только для нашей культуры, – писал он, – эти категории мысли стали привычными и всеобщими или вообще распространёнными. Но у такой культуры, как и только что упомянутых, менее опытных в самостоятельном пользовании образным мышлением, всеобщие категории – не нечто непосредственное, а, напротив, опосредованное многообразными ходами мышления, изучением языковых привычек...» [5, с. 394]. В «Феноменологии духа» Гегель утверждал, что в «опыте сознания» не может оказаться ничего, что не сводилось бы к мысли, а стало быть, не выражалось бы в рационально организованном дискурсе.

Эти же установки вдохновляли возникшую в XVIII в. особую область философского знания – философию культуры. По мнению В. Виндельбанда, любые исследования в области психологии, социологии и исторического развития обретают ценность только тогда, когда они направлены на обнаружение той основной структуры, которая присуща всякому культурному творчеству во вневременном, сверхэмпирическом существе разума [3, с. 7]. По его словам, основы любой культуры должны быть заложены в глубочайшей подпочве всякого разумного творчества. Философия обязана обработать мир природы (а он, по мысли немецкого философа, охватывает инстинктивную и эмоциональную жизнь) согласно закону разумной воли. Следовательно, весь процесс человеческой культуры предполагает включённость нашей жизни в разумную связь.

Итак, культура не только взывает к разумности, но постоянно связывает рождение новых творений с теоретической работой философов, учёных, исследователей искусства.

Создавая типологию искусств, И. Тэн сопоставляет различные аналогии мысли, сознания. Чтобы анализировать зодчество, математику, пластику, музыку и драму конкретных культур, нужно, несмотря на различные подходы к их содержанию, апеллировать к разумности человека, даже если он брошен в поток хаотичной жизни [17]. Так же поступает, к примеру, известный историк искусства Ханс Зедльмайр. В поле его анализа оказываются революция в живописи, когда в искусстве обнаруживается «хаос мёртвых отбросов», изуродованный человек, торжество хаотического и другие кризисные процессы. Но Х. Зедльмайр тем не менее рассматривает культуру с позиции разных метафизических умонастроений, отыскивая в ней конкретные художественные программы, рождение новых стилей и ценностных ориентиров [9]. Критерием критической оценки этих явлений всё равно оказываются традиции классической разумности.

Современные исследователи тоже полагают, что культура выстраивается по определённой логике художественных исканий. Скажем, М.Н. Эпштейн подчёркивает: «...многие художественные и литературные движения XVIII-XX веков, такие как романтизм, символизм, футуризм, сюрреализм, “новый роман” возникли на основе теоретических проектов» [19, с. 7]. Он напоминает также, что Джойс, экспериментируя с языком и сюжетом, изобрёл жанр романа-мифа, а предисловие Виктора Гюго к «Кромвелю» стало своего рода заявкой на изобретение французского романтизма. Культура обладает открытостью. М.Н. Эпштейн мечтает о построении нового культурного универсума, который охватил бы всё человечество.

Сознание человека развивалось мучительно долго. Далеко не сразу эволюция подвела людей к культуре. Юнг отмечал: «Сознание – совсем недавнее приобретение бытия и находится ещё в процессе становления» [20, с. 21]. Не случайно в философии сложился идеал культуры, которая строится по лекалам строгой разумности. Такой ход мысли предполагает критическое отношение к тем сферам культурного творчества, которые не соответствуют этому идеалу. Так, В.М. Межуев в книге «Идея культуры» связывает её формирование с преодолением всего иррационального в социальной жизни человечества. Эту задачу он возлагает на философию: «Отказ от философии, – пишет он, – равносителен с этой точки зрения отрицанию собственного бытия в культуре, отличного от бытия других людей и народов. Он чреват либо откатом к архаическим формам культурной самоидентификации (мифы, религия, традиционные обряды и обычаи), либо полным растворением в безличном мире научных понятий и технических устройств. Культурная функция философии состоит в том, что она предохраняет европейского человека от двух грозящих ему опасностей: его архаизации (возврата к донаучным формам сознания) и деперсонализации в результате чисто формальной рационализации его мышления и жизни» [13, с. 28].

Такое понимание культуры под флагом удержания присущего ей классического репертуара в значительной мере оскопляет её. В культуре благословляются лишь самые благородные её достижения. Те же приобретения человечества, которые не освящены философской классикой, отлучаются от неё. Не похоже ли это на сознательное обеднение культуры, на европоцентристскую гордыню, на искажение самой идеи культуры? Как раз за последние десятилетия именно обращение к архаическим формам культурной идентификации (мифу, традиции, карнавалу) с наибольшей силой утвердило приоритетность философии в постижении сменяющихся форм культурного бытия. Философия расширила границы культуры, её многосоставность, обратилась к анализу глубинных основ человеческого существования, обосновала плодотворность традиции и кристаллизации человеческого опыта, приступила к аналитике бессознательного (см., к примеру: [1; 8]).

Действительно ли обоснование рациональности, сохранение классического философского мышления неизбежно предполагают отказ от столь значимых сфер культуры, как миф, религия, традиция, игра и карнавал? Верно ли, что здесь не обойтись без «злейшей обиды», которая «с надменной грянет высоты»? Вот столь известный феномен, как карнавал. «И именно в празднике как первичной форме культуры, – пишет Валерий Земсков, – суждено было возникнуть новому “культурному бессознательному”, новой цивилизационной архетипике, новой базовой нормативности, надличностным компонентам культуры?» [10, с. 553].

Идея карнавала, как известно, нашла своё толкование в европейской философии. Само понятие карнавализации позволило культурфилософам осмыслить и распознать множество культурных, социальных и художественных процессов. Оценивая карнавал как феномен культуры, мы не способны отменить его законность в исторической практике. Да, М.М. Бахтин отмечал, что категория «карнавала» знаменует диалектическую победу «жизни» над «культурной ценностью». Возможно, карнавальная стихия, будучи слепым витальным порывом, не обладает создающей силой и не порождает новых ценностей [2, с. 65].

Но оценка самого культурного феномена не предполагает исключения его из цивилизационной практики, коль скоро это явление возникло и существует независимо от нашего директивного указания.

Чужеродны ли культуре такие её обречения, как миф? На самом деле мифы и карнавалы явились щедрой почвой не только для европейской версии цивилизованности. Из какого лона родилась бы философия, если бы она не выставила критические резоны безраздельно господствующему мифу? Родилась бы в голове Гераклита мысль о том, что мир не данность, а процесс, если его не очаровала бы причудливая игра огненной стихии, неподвластная рассудку? Дались бы нам истоки культуры, если традиция растворилась бы в веках? В самом деле, что может сказать культурфилософ о мифе, религии как специфических формах куль-

турного бытия, если они сразу квалифицируются в качестве опасных, увлекающих нас во тьму веков явлений, выражающих только регресс в истории духовной жизни?

Спектр культуры неистощим, но он не исчерпывается рациональностью, разумностью. Её исток не только сознание. Культура всеохватна. Многие её формы рождены бессознательным пластом человеческой психики, наитием, игрой воображения, эмоциональной отзывчивостью. Разумеется, рационалистическое ядро является стержнем культуры. Рациональное может рассматриваться как универсальная категория, охватывающая чистую логику в классическом и современном мышлении и даже некоторые формы мистического опыта. Однако этот тезис о едва ли не всеохватном смысле понятия «рациональность» требует критического рассмотрения, поскольку можно наметить некоторые типологические подходы к раскрытию данной категории, в известной мере противостоящие друг другу.

Во-первых, рациональность понимается как метод познания действительности, который основывается на разуме. Это центральное значение восходит к латинскому корню *ratio*. Рациональность, выступая в тех или иных формах, является общечеловеческим свойством, присущим различным сторонам человеческой активности.

Во-вторых, рациональность трактуется многими философами как некая структура, имеющая внутренние особенности и законы. В этом направлении рассуждений научное мышление утрачивает свою монополию на рациональность. Вероятно, разум в данном случае перестаёт быть определяющей характеристикой рационального. Речь идёт о специфической упорядоченности, присущей разным формам духовной деятельности, в том числе и ненаучной. Это особая организованность, логичность противостоит уже бесструктурности, хаотичности, принципиальной «невыразимости». К иррациональности при этом может быть отнесён тот духовный опыт, который не подлежит упорядочению и умопостижению.

В-третьих, рациональность отождествляется с определённым принципом, атрибутивным свойством цивилизации. Предполагается, что культурные особенности, черты народов, развивающихся в процессе своей жизнедеятельности аналитические и аффектированные начала, способны выработать определённые цивилизационные признаки. К.-Г. Юнг разделял цивилизации на «рациональные» и «аффективные». В этом значении многие исследователи предлагали такие характеристики, как динамичность и статичность, экстравертированность и интровертированность, оптимизм и фатализм, рационализм и мистицизм как модусы западной и восточной культур.

Понятие «рациональность» является ключевым для М. Вебера, поэтому важно подчеркнуть, что в работах по социологии религии немецкий учёный пытался выявить социокультурные основания и границы рациональности. Итак, традиционное представление о культуре пред-

полагает, что данный феномен рождается в результате сознательной целенаправленной деятельности человека. Многие философы считают, что человечество не исчерпало тот потенциал, который заложен в разуме. А.А. Гусейнов, в частности, отмечает, что мы по своей природе существа разумные, рациональные, вне сознательных механизмов наша жизнь просто невозможна. Если исключить рациональную устроенность человека, то человек не сможет существовать [7, с. 29]. Может быть, действительно философия и наука неоправданно отдают дань иррациональности, а следует неустанно укреплять человеческую разумность?

Иррациональное содержание культуры

Культура не может включать в себя только рациональное содержание. Она родилась в те далёкие времена, когда пробивались первые ростки разумности, возникали смутные образы понимания мира, складывались зыбкие критерии осмысления окружающего. И этот опыт не был нелепым, чуждым, затуманивающим ум. Это были ошеломительные прорывы сознания, глубинные наития. Об этом пишет русский философ М. Гершензон: «Лишь за семь или восемь тысячелетий нам брезжит первый свет и слышны первые смутные шорохи, а позади, в глубине веков, – сумерки и безмолвие. Но так люди жили и мыслили так же, как мы, и в многократный срок развития, предшествовавший нашей культуре, был добыт весь существенный опыт человечества. К тем познаниям позже ничего не прибавилось, как неизменен издревле и поныне и телесный состав человека. Первобытная же мудрость содержала в себе все религии и всю науку. Она была как мутный поток протоплазмы, кишущий жизнями, как кудель, откуда человек до скончания времён будет прясть нити своего раздельного знания» [6, с. 213].

Итак, что же является истоком культуры? Обнаружения разума, бурлящая человеческая страсть, молитвенная погружённость, медитативная отрешённость, мощные потоки жизни, пучины бессознательного? Современная философия давно уже произвела необходимые критические расчёты с просветительскими иллюзиями. Традиция классического рационализма исходила из следующих принципов:

- человек обладает готовой природой, которая возвышает его над миром природы;
- человек располагает всепроникающим разумом, который является главным его достоянием. Рациональность человека противостоит страстям, эмоциям, волевым обнаружениям человека. Всякая уступка иррациональности затемняет мощь разума и обесценивает величие человека;
- иррациональное всегда предстаёт как ареал бессознательного, оно бесформенно и хаотично и неподвластно логическому мышлению;

– мышление опирается на обнаруженные каноны разума, воплотившиеся в культуре, и философ не вправе отступать от них.

Неклассическая философия произвела переоценку этих принципов:

– человек не обладает готовой природой, его становление не завершено, оно открыто, сам он находится в авантюре постоянного преобразования;

– разум не является монадой, закрытой для других обнаружений человеческой субъективности – эмоций, воли, интуиции. Разум постигается через неразумие, норма – через патологию, вершинные состояния духа причудливо связаны с глубинами психики;

– иррациональное не бесформенно, в нём присутствует своя структурность, проявляется своеобразная логика. Так, правомочно говорить о логике мифа, о логике культуры, об эмоциональной логике (например, в толковании К.-Г. Юнга);

– иррациональное оказывается хаотичным только в ракурсе предустановленной упорядоченности ума. Кроме того, оно подвластно логическому мышлению и постоянно координируется с ним. Человеческая психика целостна и подчиняется жёсткой фрагментации.

Современная философия допускает отход от предустановленных мыслеформ и отказывается от диктата рациональности. Многие исследователи считают, что очищенный, дистиллированный разум оказывается малонадёжным в познании и опасным в социальной практике. Разум постоянно упрекают не только в гносеологизме, но и в непререкаемости чисто рассудочных императивов. Современные нейронауки доказательно показывают, что не существует «чистого» разума. В нём пробиваются витальные порывы, магма бессознательного, обнаруживается сама человеческая природа, далёкая от идеализации.

Вся человеческая история свидетельствует о напряжённой попытке понять человека. Освоение разумных возможностей человека, культивирование потенциала интеллекта – лишь один из вариантов креативности человека. Известный исследователь, весьма популярный в минувшем столетии, Макс Нордау считал, что верность здравомыслию, «чистому», стреноженному сознанию – признак психического здоровья [14]. Напротив, всякое нарушение установленных канонов мышления можно расценивать как обрушение в сумасшествие. Мысль, казалось бы, безупречная. Однако Нордау причислил к безумцам Генрика Ибсена, Анатоля Франса, Льва Толстого.

Но так ли уж далеко мы ушли от М. Нордау? Слово «иррационалист» превратилось у нас в жупел, в клеймо. Сколько, к примеру, можно клеймить А. Шопенгауэра как несусветного врага разумности?! Да, немецкий философ указывал на всецелие воли, возведённой также им в онтологический принцип. Но разве он при этом элиминировал просветляющий разум? Нет сомнений в том, что Шопенгауэр указывал на угрозы, перед которыми стоит человечество, убедительно предполагая, что

человеческий разум станет обслуживать эти накатывающие волны деструктивности. Так ли ошибался немецкий мыслитель, полагая, что огромные ресурсы ума станут прислужниками жестокой и неумолимой воли?

Всего лишь век назад потрясённые социальные мыслители столкнулись с парадоксом: нации не хотели войны, но в силу непостижимой логики народы набросились друг на друга и началась истребительная мировая война. Неужели этот пример свидетельствует о торжестве просветляющегося разума и недопустимой критике его со стороны А. Шопенгауэра? Верно ли, что философское остережение Шопенгауэра повинно в названной социальной катастрофе? После Второй мировой войны, после преступлений нацизма гуманитарии клялись друг другу, что отныне невозможно философствовать в том же духе, как прежде. Исторический опыт не располагает к бесстрастному академическому суждению. Но позже террористы соединили впечатляющие достижения высокоразвитой цивилизации – самолёты и небоскрёбы – для торжества неодолимого разрушения в акте смертоносного террора. Интеллектуалы вновь заговорили о мобилизации разума для философского прозрения. А историческая практика подбрасывает материалы для новых заклинаний. Давно очевидно, что в мире действуют мощные деструктивные силы. Человечеству не удалось отделить их от торжествующего разума.

Не случайно в конце минувшего века философы заговорили об ущербности самого разума. Это апофатическое открытие вовсе не предполагает благословения иррациональности как воплощения зла. Но следует ли видеть антитезу разуму там, где она отсутствует по определению? Разум, который агрессивно культивирует только себя, отвергает эмоции, воображение, интуицию, в конечном счёте вырождается и доводит человечество до катастрофы. Нет оснований отважное исследование потенциала сознания, его спектров не толковать как безумие. Сумасшедшим можно назвать человека, который отказывается от авантюры ума, не исследует глубины абсурда, капитулирует перед неистовством интеллекта. Но человеческая природа не только рациональна. Человек наделён разумом. Его внутренняя жизнь также включает в себя волю, эмоции, интуицию, неосознаваемые побуждения души. Стоическая верность классической версии философии культуры, достойная сама по себе признания, вычёркивает из арсенала культуры богатейшее содержание и в свою очередь обедняет философское размышление о ней. При всей привлекательности классического образа человека, его причастности к высшему разумному бытию он не в состоянии в наши дни в полную силу объяснить направленность исторического процесса и самого потомка Адама.

Нет сомнения в том, что современное самосознание культуры переживает кризис. «Происходит отказ философии от своего призвания, от традиционной задачи отыскать и утвердить *raison d'Etre*, смысл су-

ществования. Установка на понимание сменяется волевым отношением к миру. Открывается эра принципиально нового, вольного обращения с этим образом. И, заметим, вовсе не обязательно, чтобы в западноевропейской мысли в дальнейшем возобладал “иррационализм”, произвольно волевое обращение с бытием может выступить и в рационализирующей форме. Здесь эквивалентом произвола выступает разоблачительство, когда под видом осмысления производится редукция высших слоёв бытия к низшим и предоставляются широкие возможности для спекуляции на понижение. Теряя своё априорное достоинство, и мир, и человек становятся объектом всевозможных манипуляций» [4, с. 10].

Охранность человека от манипуляций – задача благородная. Но приверженность разуму не избавила человечество от масштабных катастроф. Крепости рассудка рухнули не потому, что люди не стали соблюдать каноны интеллектуальной трезвости. Как раз наоборот. Источник умоисступления выявился в этом очищенном идеале мыслительной прозрачности и непорочности. Исследователи не успели осознать, что лучшие сорта безумия вырабатываются из разума. Пыль безрассудства они стряхивали вручную, в соответствии со стихотворной строчкой И. Бродского.

«Непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся в семнадцатом веке, – пишет Джон Сол, – дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других – так или иначе признанных – характеристик человека – духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и самое главное – опыта. Это постоянное выдвижение разума на передний план продолжается и в наши дни. И оно уже достигло такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их важность» [16, с. 23].

Философы всё чаще начинают подчёркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского вздора. Наконец, в постмодернизме обнаруживается неумеренное увлечение алогичностью. Но ведь бесспорно, что человек является единственным на свете существом, которое может жить в ситуации абсурда. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

Потребность в аналитике иррационального ощущали многие мыслители античности. Аристотель, к примеру, отмечал разумность человека, но писал и о его неразумии. Уже в ту пору отмечалось, что разум не способен выразить всю полноту и богатство духовной жизни

ни. Зачастую околоразумные особенности человеческой активности не поддаются логическому мышлению. Однако они тоже участвуют в сотворении культуры, и нет оснований выносить их за скобки многообразного духовного опыта. Неужели есть такая неотложность, чтобы вынести миф за границы культуры? Но ведь миф является кристаллизацией бессознательной жизни людей. Миф не чужероден логике, хотя она и обладает собственной спецификой. Миф способен претворить хаос в порядок, потаённое и неопознаваемое – в объяснительные образные формулы.

Если анализировать структуру мифа, то можно обнаружить в ней различные трансформации сознательных и бессознательных усилий человека понять мир. Не случайно, к примеру, Ж. Батай в поисках критериев рациональности обращается к внутреннему опыту человека. Он имеет в виду определённые предельные состояния, которые изначально могут быть прояснены лишь изнутри. Религиозно-мистические, эротические, творческие порывы человека не подлежат объективной аналитике. Но это вовсе не означает, что они по природе своей иррациональны, являются принадлежностью хаотической, неупорядоченной мысли.

В современной науке постоянно проводится идея гештальтности человеческой психики. Мышление как таковое не существует в вакууме. Психические процессы связаны между собой. В мыслительном акте можно обнаружить и эмоциональность, и интуитивность, и волевой порыв. Поэтому относить к иррациональному внемыслительные формы духовной жизни можно лишь условно. Разве философия А. Дильтея выражена языком жестов и смутных озарений? Разве О. Шпенглер, который задумывается о логике истории, немедленно покидает пространство мысли и забивает наши головы метафорами? Неужели нужно доказывать, что погружение в пучины бессознательного постоянно вооружает нас новыми смыслами, идеями, озарениями?

Между мифом и игрой

В этом году вышел в свет замечательный сборник философских текстов «Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США», составителем которого является талантливая и глубоко мыслящая исследовательница Рената Александровна Гальцева [15]. Книга включает в себя труды западных мыслителей, сохраняющие актуальное значение для современной философии культуры. В ней представлены работы О. Шпенглера, Й. Хёйзинги, М. Хайдеггера, К.-Г. Юнга, М. Вебера, Ж. Маритена, Г. Честертона, Х. Ортеги-и-Гасета, В. Вейдле, Г. Бёлля, Г. Марселя. Нет нужды специально подчёркивать, что издание такого рода позволяет ввести в научный оборот множество философских текстов, которые принадлежат видным представителям европейской культуры. Посколь-

ку этот сборник рецензируется не впервые, напомним, что он представляет собой третье, дополненное и исправленное издание антологии «Самосознание европейской культуры XX в.».

Обладая несомненной ценностью сам по себе, сборник вызывает подчас противоречивые чувства. Понятное дело, речь идёт о кризисных процессах, охвативших философию культуры. Доказательно отстаивается величие классической философии культуры. О ней сказано: «Как бы ни был узок взгляд на человеческое существо, всё же он априори был причастен к высшему, разумному бытию, его сущность была укоренена в сознании, разуме (недаром дефиницию человека сопровождало указание на его высокое происхождение: *Homo sapiens*). Этим же блеском отличали объект, бытие, история – как сопричастные разумному смыслу; во всех формах исторического и культурного творчества также превалировала позитивная точка зрения на мир» [15, с. 10].

Кроме восторга и благодарности названный труд вызывает и смутную растерянность. Оказывается, все авторы, олицетворяющие собой современную философию культуры, повинны в разной степени в склонности к иррациональности. Учёные, которые представляют собой первые величины западной культурологии – и Шпенглер, и Хёйзинга, и Хайдеггер, – сделали свой выбор в пользу «философии жизни». Только два исследователя располагают алиби. Это М. Вебер и Р. Гвардини. Не вызывает сомнений атрибуция М. Вебера. Он – убеждённый рационалист. Вебер действительно критически отнёсся к романтической философии жизни. Да, он поставил в тупик Шпенглера, применяя в полемике принципы рациональности. Однако можно ли, опираясь на рационализм Вебера, объяснить сегодня абсурдность социальных парадоксов, безумную тряску мировых экономических процессов? И вообще целесообразно ли «подводить под кризис европейской культуры» всех представителей философии культуры? Не прокрадывается ли здесь тот самый редукционизм, который сводит сложные процессы к безупречным критериям разумности?

Но действительно ли в обстановке опьяняющего мифологизма идёт война на уничтожение разума? Неужели это справедливо, допустим, по отношению к Юнгу? Разве феномен бессознательного придуман этим философом? Если бессознательное только фикция, тогда в число приверженцев иррационализма попадают и Платон, и Лейбниц. Оправданы ли такие прокламации? Надо беречь и охранять территорию разума. Но следует ли выстраивать перекошенный макет человеческой психики? Как ни рассуждай, но она вовсе не состоит из целостной и завершённой разумности. Обращаясь к анализу глубин человеческой психики, Юнг менее всего пытается ввергнуть её в бездну. О какой бездне идёт речь? Многие современные исследователи, напротив, видят в работах Юнга обращение к духовности, к личностному росту. Швейцарский исследователь представил научной обще-

ственности теоретическую модель такой глубины, которая охватывает различные уровни человеческой психики. Он вернул в философию культуры психическое как реальность. Юнг в полном соответствии с нынешним уровнем трактовки сознания отметил, что сознательное и бессознательное не противостоят друг другу.

Неужели современная философия культуры станет богаче, если мы объявим Юнга манипулятором, мастером различных духовных оболещений и разного рода внушений? Можно, разумеется, принять тезис о том, что введенные Юнгом понятия «коллективного бессознательного» и «архетипа» обладают неопределённостью. Впрочем, не меньшей, скажем, чем понятия «эйдоса» или «энтелехии». Теоретические конструкции Юнга позволили обрести философии культуры дополнительные возможности в постижении её креативности.

В книге дана резкая оценка игры как феномена человеческого бытия. Возможно, из цветка игры не вырастает никакого плода. Не исключено даже, что каждый может играть в песочнице, пока не появляется руководитель исправительного учреждения. Ведь игра потому и игра, что она не предполагает сугубой серьёзности. Мир становится всё более серьёзным, всюду тоскуют о пользе, о прагматике. Порицается всё, что не ведёт к дивидендам. Но и игра обнаруживает тенденцию к экспансии. Она приобретает универсальный характер и пронизывает все другие аспекты человеческого существования. Неизбынно игровое начало в труде. Перестраивая мир с помощью деловой активности, люди вносят в этот процесс множество разведывательных и соревновательных компонентов. Участие в конкуренции, агональное соперничество хотя и опираются на трезвые расчёты, немыслимы без азарта, воодушевления, парадоксальной инициативы, свободного творчества. Неслучайно культурологи полагают, что игра появилась значительно раньше, чем труд. Более того, есть основание думать, что труд порождён игрой.

Игра – универсальный способ освоения бытия. Ещё не обладая навыками приспособления природы к своим нуждам и потребностям, наши далёкие предки, словно приглашая её к соучастию, не ведая её законов, искали неожиданной удачи и откровения. Искатели игровой авантюры пробовали свои силы в состязании с природой, бросая подчас ей вызов и добиваясь успеха. Не будь игры, человечество так и осталось бы на уровне растительной жизни. Ни розы, ни тополя не могут втянуться в такой азартный процесс, оставаясь заложниками инстинкта. Будем признательны Й. Хейзинге за глубокое исследование этого феномена.

Оказывается, этот исследователь не апеллировал к серьёзности. Но Кант и Шиллер действительно рассматривали игру как внерациональную категорию. Шиллер отмечал, что, подчинённый «механической ловкости» рассудка, человек «не способен развить гармонию своего существа». Формула Ф. Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь

тогда, когда играет». Конечно, всем этим рассуждениям не хватает серьёзности. Однако человек действительно перестаёт быть человеком, если он сводит к разумности все аспекты человеческого бытия.

О. Шпенглер, разумеется, мифолог. Хотя разъединённость культур всё-таки не только выдумка, но и определённая реальность. Да, человеческий разум – неоспоримое достояние человечества – подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. Но за последние годы и представители восточных культур всё чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций, иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию.

Хорошо существовать в мире классической разумности. Накаты жизни разбиваются о её пределы. Абсурдность существования инкриминируется тем, кто обратил внимание на его гримасы. Философия культуры зачарована блестящими обнаружениями разума. Иррациональность низводится до жупела. А то, что европейские мыслители не всегда следуют этим канонам, – это недостойное выпадение из царства разума. Свои комментарии на этот счёт они получили.

Список литературы

1. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: ЛАДОМИР, 2006. 738 с.
2. Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
3. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 7–19.
4. Гальцева Р.А. Западноевропейская культурология между мифом и игрой // Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США / Отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 9–24.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1977. 573 с.
6. Гершензон М. Гольфстрем // Гершензон М. Избранное. Мудрость Пушкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 213–309.
7. Гусейнов А.А. Мы разумные существа, и по-другому мы не можем существовать. (Разговор с Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым) // Беседы о человеке. Разговор на пороге / Ред.-сост. С.А. Смирнов. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. С. 23–40.

8. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Шукиной. М.: Дело, 2014. 526 с.
9. Зедльмайр Х. Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света / Пер. с нем. С.С. Ванеяна. М.: Территория будущего: Прогресс-Традиция, 2008. 638 с.
10. Земсков В. Праздник в устойчивой и в формирующейся цивилизации // Земсков В. О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 553–570.
11. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чаро, 1994. С. 153–246.
12. Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. 2005. № 2. С. 49–62.
13. Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 406 с.
14. Нордау М. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. 398 с.
15. Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США / Отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 640 с.
16. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера: диктатура разума на Западе. М.: АСТ: Астрель, 2006. 895 с.
17. Тэн И. Философия искусства. М.: Искусство, 1996. 350 с.
18. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5: *Paragra i Paralipomena*: в 2 т. Т. 2: *Paralipomena* / Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 528 с.
19. Эпштейн М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
20. Юнг К.-Г. Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996. 454 с.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel Gurevich

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; *e-mail*: gurevich@rambler.ru

THE RATIONAL AND THE IRRATIONAL IN CULTURE

The author seeks to characterize the rationalist version of culture. He notes that culture carries huge content. Its content seems limitless. Culture arises due to the fact that the human mind gives the men the opportunity to earn, save, accumulate, process and use information by special, unknown to nature ways. These methods involve creation of special sign systems by which information is encoded and transmitted in society. Culture is above all supernatural. Nature doesn't have sounding symphonies, poetic lyrical outpourings, landscapes, captured by anonymous brush. Man creates culture leaning on his own consciousness, emotion, will and intuition. It is designed for creation of unknown worlds. Therefore, describing the culture of particular era, we first denominate the achievements of science, philosophy, art.

These settings inspired the philosophy of culture, the special field of philosophical knowledge, emerged in the eighteenth century. According to W. Windelband, any research in psychology, sociology, and historical development gain value only when they are directed to the detection of the main structure, which is inherent in every cultural creativity in the timeless, superempiric entity of mind. According to him, the foundation of any culture must be laid in the deepest subsoil of any reasonable creativity. Philosophy is obliged to treat the natural world (and it, in the opinion of the German philosopher, covers the instinctive and emotional life) according to the law a reasonable will. Therefore, the entire process of human culture presupposes the inclusion of our lives in reasonable connection. So, culture not only appeals to rationality, but constantly links the birth of new creations with the theoretical work of philosophers, scientists, researchers, art.

However, the author argues with the “protective” tendency of the philosophy of culture. It is noted that this understanding of culture under the banner of retention its classical repertoire largely impoverish her. In a culture only the noblest achievements are praised. Those acquisitions of mankind, which are not blessed by philosophical classics, are rejected by it. Doesn't it look like the deliberate impoverishment of culture, Eurocentric arrogance, distortion of the idea of culture? Just over the past decades the appeal to archaic forms of cultural identity (myth, tradition and carnival) deeply approved the priority of philosophy in understanding the changing forms of cultural existence. Philosophy has expanded the boundaries of culture, its multipartite, has turned to analysis of the underlying fundamentals of human existence, has proved the fruitfulness of the tradition and crystallization of human experience, has proceeded to the analysis of the unconscious.

The author believes that the range of culture is inexhaustible; it is not limited to rationality, reasonableness. Its source is not only of consciousness. Culture covers all. Many of its forms are born by the unconscious layer of the human psyche, intuition, imagination, emotional responsiveness. Of course, the rational kernel is the core of culture. Rational may be regarded as a generic category covering pure logic in classical and modern thinking and even some forms of mystical experience. However, this thesis of unlikely all-encompassing meaning of the concept “rationality” requires the critical consideration.

Culture can't include only rational content. It was born in those days when first sprouts of reasonableness germinated, when the vague images of understanding of the world emerged, and shaky criteria of the understanding of the surrounding arised. And this experience was not absurd, alien, and of blur mind. It was a resounding breaks of consciousness, deep inspirations. The article raises the question of the source of culture. Is it the revealing work of the mind, seething human passion, devotional immersion, meditative detachment, powerful streams of life, the depths of the unconscious? Modern philosophy has already made the necessary critical calculations with educational illusions. Philosophers increasingly emphasize the limitations of reason and its inability to be a guide of conduct in a situation of universal nonsense. Finally, in postmodernism there is detected the immoderate fascination of the illogicality. But there is no doubt that man is the only creature that can live in absurd situations. The ever-deepening experience of rationalistic cognition of life and a horrible unwillingness of reality to pack up in this experience. An endless stream of creativity which gives birth to destruction. The yearning for beauty which turns into desire of ugliness. Infinity of creation and the limitation of human life. How to save sobriety of thought within these paradoxes?

Many thinkers of antiquity felt the need for analytics of irrational. Aristotle, for example, noticed the intelligence of the man but also wrote about his irrationality. Already at that time it was believed that the mind is not able to express the fullness and richness of spiritual life. Near-reasonable features

of human activity often aren't amenable to logical thinking. However, they are also involved in the creation of culture, and there is no reason to remove them out of the diverse spiritual experience. Is there such an urgency to move the myth beyond the boundaries of culture? But the myth is the crystallization of people's unconscious lives. Myth is not alien to the logic, although it has special characteristics. Myth is able to bring order to the chaos, transform the lurking and the unclear in the explanatory figurative formulae.

If we analyze the structure of myth, various transformations of conscious and unconscious human effort to understand the world can be detected in it. Not by chance, for example, G. Bataille in his search of criteria of rationality refers to the internal human experience. He keeps in mind certain limit positions, which initially can be clarified only from the inside. Religious-mystical, erotic, creative impulses of man are not subject to objective analysis. But this does not mean that they are inherently irrational, that they belong to the chaotic, disordered thoughts.

Keywords: art, rationality, irrationality, mind, culture, myth, religion, tradition, value, consciousness

References

1. Bataille, J. *Proklyataya chast'. Sakral'naya sociologiya* [The Accursed Share. Sacred Sociology], ed. by S. Zenkin. Moscow: LADOMIR Publ., 2006. 738 pp. (In Russian)
2. Boneckaya, K. *Bahtin glazami metafizika* [Bahtin With the Eyes of the Metaphysician]. St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 560 pp. (In Russian)
3. Epshteyn, M. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From Knowledge to Creativity]. St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 480 pp. (In Russian)
4. Gal'ceva, R. "Zapadnoevropeyskaya kul'turologiya mezhdu mifom i igroy" [Western European Cultural Studies between the Myth and the Game], *Samosoznanie kul'tury i iskusstva. Zapadnaya Evropa i SShA* [The Self-consciousness of Culture and Art. Western Europe and the US], ed. by R. Gal'ceva, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016, pp. 9–24. (In Russian)
5. Gershenzon, M. "Gol'fstrem" [The Gulf Stream], in: M. Gershenzon, *Izbrannoe. Mudrost' Pushkina* [Selected Works. Wisdom of Pushkin]. St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2015, pp. 213–309. (In Russian)
6. Guseynov, A. *My razumnye sushhestva, i po-drugomu my ne mozhem sushhestvovat'*. (Razgovor s Absusalamom Abdulkirimovichem Guseynovym) [We are rational beings, and in another way we can not exist. (Conversation with Absusalamom Abdulkirimovich Guseynov)], *Besedy o cheloveke. Razgovor na poroge* [Conversations about a Man. Discussion at the Edge], ed. by S. Smirnov, Novosibirsk: Ofset-TM Publ., 2016, pp. 23–40. (In Russian)
7. Hegel, G. W. F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. 2 Vols., Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 573 pp. (In Russian)

8. Jung, C. *Chelovek i ego simvol'y* [Man and His Symbols]. St. Petersburg: B.S.K. Publ., 1996. 454 pp. (In Russian)
9. Kant, I. "Osnovopolozheniya metafiziki нравов" [Fundamental Principles of the Metaphysic of Morals], in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 8 Vols., 4 Vol. Moscow: Charo Publ., 1994, pp. 153–246. (In Russian)
10. Karmin, A. "Filosofiya kul'tury v informacionnom obshchestve: problemy i perspektivy" [Philosophy of Culture in Information Society: Problems and Prospects], *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, 2005, No. 2, pp. 49–62. (In Russian)
11. Mezhuiev, V. *Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [The Idea of Culture: Essays on The Philosophy of Culture]. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 2006. 406 pp. (In Russian)
12. Nordau, M. *Vyrozhdenie. Sovremennye francuzy* [Contemporary French People]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 398 pp. (In Russian)
13. *Samosoznanie kul'tury i iskusstva. Zapadnaya Evropa i SShA* [The Self-consciousness of Culture and Art. Western Europe and the USA], ed. by R. Gal'ceva. St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 640 pp. (In Russian)
14. Saul, J. *Ubyudki Vol'tera: diktatura razuma na Zapade* [Voltaire's Bastards: The Dictatorship of Reason in the West]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2006. 895 pp. (In Russian)
15. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 6 Vols., Vol. 5, ed. by A. Chanyshv. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub Publ., Respublika Publ., 2001. 528 pp. (In Russian)
16. Sedlmayr, H. *Utrata serediny. Revolyuciya sovremennogo iskusstva. Smert' sveta* [Loss of the Middle. Revolution of Modern Art. Death of the Light], trans. S. Vaneyan. Moscow: Territoriya budushhego: Progress-Tradiciya Publ., 2008. 638 pp. (In Russian)
17. Taine, H. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1996. 350 pp. (In Russian)
18. Windelband, "V Filosofiya kul'tury i transcendental'nyy idealizm" [Philosophy of Culture and Transcendental Idealism], in: V. Windelband, *Izbrannoe. Duh i istoriya* [Selected Works. Spirit and History]. Moscow: Yurist Publ., 1995, pp. 7–19. (In Russian)
19. Zemskov, V. "Prazdnik v ustoychivoy i v formiruyushcheysya tsivilizatsii" [Holiday in the Stable and in the Emerging Civilization], in: V. Zemskov, *O literature i kul'ture Novogo Sveta*, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2014, pp. 553–570. (In Russian)
20. Žižek, S. *Shchekotlivyy sub'ekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology], trans. S. Shhukin. Moscow: Delo Publ., 2014. 526 pp. (In Russian)